

5. Марасанова, В. М. Ярославский край в конце XIX – начале XX в. [Текст] / В. М. Марасанова. – Ярославль, 1995. – С. 5.
6. Паршин, А. Г. Развитие городского хозяйства Ярославля на рубеже XIX – XX веков [Текст] / А. Г. Паршин // Путь в науку. – Ярославль, 1995. – С. 58.
7. ГАЯО. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 708. – Л. 34.
8. Ковалев, А. Д. На электрической тяге [Текст] / А. Д. Ковалев. – Ярославль, 2005. – С. 16.
9. Ярославские Губернские Ведомости. – 1900. – 18 декабря. – № 99.
10. Северный край. – 1900. – 18 декабря. – № 331.
11. Русский рубль, два века истории: XIX – XX вв. [Текст]. – М., 1994. – С. 129.
12. Афонцев, С. Иностранное предпринимательство в России: штрихи к историческому образу страны [Текст] / С. Афонцев // Россия. XXI век. – 1998. – № 1–2. – С. 92.

Н. А. Миронова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЯРОСЛАВСКИХ ВРАЧЕЙ В 1918–1919 ГГ.: «И ПРИХОДИТСЯ ПОЛАГАТЬСЯ НА ВОЛЮ БОЖЬЮ...»

После июльских событий 1918 г. в городской больнице Ярославля обострились проблемы быта, остро встал вопрос продовольственного и коммунального содержания больных и персонала, электрического и водного снабжения, ассенизации, транспорта. Несмотря на нерегулярное и небольшое жалование, находясь под угрозой заражения, не получая помощи из центра, ярославские врачи боролись с эпидемиями холеры, тифа, испанки и предотвратили дальнейшее распространение болезней среди населения.

Ключевые слова: Ярославль, врачи, эпидемия, продовольствие, больница, медицина, дезинфекция, ассенизация, электричество, повседневность, Скорая помощь, 1918 год.

N. A. Mironova

EVERYDAY LIFE OF YAROSLAVL DOCTORS IN 1918–1919: «ALSO IT IS NECESSARY TO RELY ON GOD'S WILL ...»

After the revolt of 1918 in Yaroslavl the city hospital faced the problems of life, the obstacles of provision and of living accommodation, electricity and waterworks, sewage disposal problems and transport problems. In spite of the least and irregular salary, under the threat of catching a disease, without the help from Moscow, doctors of Yaroslavl struggled with the epidemic of cholera, "Spanish disease" and syphilis and took the medical situation in the city under control.

Key words: Yaroslavl, doctors, epidemic, provision, hospital, medicine, disinfection, sewage disposal, electricity, daily occurrence, emergency, 1918.

После июльских событий 1918 г. обострились проблемы в Ярославской городской больнице. Конечно, и во всем городе ситуация была не из лучших: огромное пожарище, на месте которого остались сотни выгребных ям, тяжелые жилищные условия, серьезные проблемы с продовольствием. Не удивительно, что холера, пришедшая в город еще весной, летом вышла из-под контроля и начала свирепствовать. В августе 1918 г. ей переболели около 700 человек; около 200 человек умерли.

Медицинским сотрудникам в этих условиях приходилось тяжелее всего. Нельзя забывать, что персонал больниц, как и значительная часть мирного населения, пострадал от разрушений июля 1918 г. Однако и в этих условиях врачи должны были работать, принимая огромный поток холерных, сыпнотифозных и оспенных больных. Трудности быта, определяющие

повседневность медицинских работников, рассматриваются в этой статье.

У Ярославской городской советской больницы было несколько отделений: на Духовской улице, на Пошехонской улице, за Романовской заставой. Особое внимание уделялось также больнице при Ярославской большой мануфактуре.

После событий июля 1918 г. многие врачи и младшие медицинские сотрудники остались без крова, поэтому часто жили прямо в больнице. Например, секретарь Ярославского отделения Наркомздрава В. Тихонов сообщал, что при отделении больницы на Духовской улице состояло 25 сотрудников (врачей и обслуги). Некоторые из них жили в специальной общей квартире на втором этаже одного из корпусов. Иные размещались прямо в палатах при больных. Скотница, плотник, дворник и пастух жили в подвальном этаже со сводами,

причем в этом же помещении находилась мастерская по изготовлению гробов. Зимой в подвал приводили еще и телят, и эти люди жили вместе со скотом, продолжая выполнять свои обязанности. Двое служащих больницы помещались при амбулатории. Им было особенно «комфортно», так как в этой же комнате, за перегородкой в 3,5 аршина (приблизительно 2,5 м) находился ватерклозет [1. Л. 1]. Сторож больницы Николаев жил в часовне, находившейся рядом с больницей. Осенью подвал часовни из-за дождей и подпочвенных вод заполнялся водой, «квартира» сторожа становилась чудовищно сырой и холодной. Однако не было даже насоса, чтобы выкачать воду [1. Л. 20].

Подобная картина была и в отделении на Пошехонской улице, в помещении детской больницы. Служащие (их было около 8 человек) помещались вместе с больными, по двое в каждом отделении. При больнице за Романовской заставой отдельных квартир для нянь также не было. Они буквально ютились по углам: в коридорах, в проходах. У некоторых были комнаты: например, «в общей казарме жили ночной сторож, кучер и дворник» [1. Л. 1].

Комиссия, осматривавшая больничные корпуса в августе 1918 г. (комиссии из Москвы приезжали время от времени, однако, кроме красноречивых заявлений об ужасном состоянии медицины в Ярославле, они делали мало), отметила «крайне антисанитарное состояние дворов и больниц» [1. Л. 1 об]. Особенно остро встала проблема выгребных ям на территории больниц.

«В Духовской Больнице ретирадная яма, расположенная у окон квартир служащих и палаты, переполнена, нечистоты выливаются, издавая зловоние, – отмечала комиссия. – Двор же больницы за Романовской заставой, в части, где расположены бараки, представляет собой озеро заразы, все ретирады переполнены, в особенности у тифозного барака, сортировочной, жилого и венерического барака. Все нечистоты выливаются из ям, образуя топкое болото и распространяя зловонный запах» [1. Л. 1 об]. Все ретирады были расположены в двух метрах от помещений. Помойки тоже поблизости не было, и нечистоты, в том числе хозяйственные, выливались прямо во дворе. Во время очередного осмотра тифозные больные вынудили членов комиссии подойти к окну и умоляли принять меры для очистки выгребных ям. Заведующий хозяйственной частью предла-

гал просить помощи у городского хозяйства, заявляя о необходимости вычищать выгребные ямы «4 раза в неделю по 10 бочек за раз ввиду переполненности ям», указывал на то, что некоторые из них необходимо отремонтировать [1. Л. 20]. Комиссия вынесла следующий вердикт: «Необходимо принять экстренные меры по проведению городской больницы в более надлежащий вид» [1. Л. 1 об], и отбыла в столицу.

Через месяц, в конце ноября, как свидетельствуют документы, ситуация не изменилась. Несмотря на просьбы о вывозе нечистот, «так как все ретирадные ямы были переполнены и нечистоты разливались по больничному двору», обоз не присылали [1. Л. 132]. Не было даже лопат для земляных работ по осушке почвы на территории больниц [1. Л. 9].

Из доклада, сделанного заведующим хозяйственной частью 29 сентября 1918 г., видно, что состояние быта больницы было крайне плачевным [1. Л. 19], поэтому являлось необходимым для сохранения тепла обшить тесом деревянные бараки и вставить и замазать зимние рамы. С наступлением осени в помещениях становилось холодно, дров не хватало, все трудности быта обострялись. «Из 300 сажень, зачтенных из Константиновской больницы, 100 сажень отпущено Губернской больнице; остальные же почти все израсходованы, и больница в скором времени может оказаться совершенно без дров» [1. Л. 107].

В больнице ощущалась нехватка спичек, керосина, соды. Медики неоднократно просили выслать им все необходимое, особенно керосин, без которого в темное время суток работать в больнице не представлялось возможным. В больнице было мало керосиновых ламп, и это приводило к тому, что дежурный врач не мог исследовать привозимых больных из-за отсутствия освещения [1. Л. 112 об.]. «Около месяца тому назад в Великосельскую больницу была доставлена поздно вечером женщина, израненная при нападении с целью ограбления. В больнице керосина не было (врач жил не при больнице), и пришлось бегать по соседям с просьбой одолжить лампочку. А больная истекла кровью», – вспоминали врачи. В уездных больницах ситуация была еще более сложной, особенно в родильном отделении, «где работа протекает главным образом ночью и где впотьмах ничего не сделаешь» [1. Л. 6].

Электричества не было очень долго, хотя прошения о том, чтобы его провели, звучали еще летом 1918 г. [1. Л. 20]. Электричества не было ни в Городской советской больнице, ни в бывших Голодухинских бараках за Романовской заставой [1. Л. 44]. Прощения направлялись постоянно, но оставались без ответа. «Света все нет, работаем с огнем», – жалуются медики 4 ноября 1918 г. В конце ноября ситуация все та же: «за неимением керосина означенная больница находится без света, исключительно приходится персоналу работать только днем, что крайне нежелательно» [1. Л. 107]. Ежедневно больница потребляла 2 пуда керосина, запасов не хватало. Врач З. Соловьев лично обращался к властям с просьбой об устройстве электричества. «Ламп нет, керосина тоже, а между тем бывают случаи – привезут крупозного ребенка, надо сделать операцию, как тут быть: огня нет, а операция необходима». «И приходится полагаться на волю Божью, доживет до утра, так сделают, а не доживет, так что же, ведь доктор виноват не будет, а виноват медико-санитарный отдел в том, что лишний ребенок ушел на тот свет» [1. Л. 118].

2 декабря, после многочисленных просьб и обращений к городским властям, Ярославское городское самоуправление заявило: «Наш персонал загружен работами по исправлению сетей общего пользования, а потому мы вынуждены рекомендовать Вам обратиться к услугам частного монтера для исправления сети внутри помещений» [1. Л. 152]. В конце декабря 1918 г. света все еще не было [1. Л. 165]. Больничное руководство просит «отпустить для освещения больничных зданий 1 бочку керосина и спичек» [1. Л. 172].

При больнице было обустроено 8 стойл для лошадей, однако осталось в распоряжении только две лошади, одна лошадиная сбруя и одна телега, а также 10 коров, трех из которых осенью 1918 г. планировалось заколоть на зиму. Медицинские сотрудники и завхоз больницы неоднократно просили прислать денежные средства для подъема больничного хозяйства, наивно отсылая в Москву сметы на приобретение лошадей, пролеток, саней [1. Л. 21]. Позже, разуверившись в своевременной помощи из центра, врачи просили лишь «прислать еду для лошадей и коров» [1. Л. 22]. В больнице не было фуража для лошадей, что отрицательно сказывалось на работе врачей. «За отсутствием фуража лошади чуть передвигаются и выезды к

больным, на эпидемии, почти прекратились», – отмечали медики. Оспопрививание шло крайне медленно, поэтому очаги оспы вспыхивали в городе время от времени и не исчезали по нескольку месяцев. Однако сотни человек все же были привиты летом – осенью 1918 г.: медики пешком ходили из уезда в город, добирались на попутном транспорте, таская на себе все необходимые медикаменты [1. Л. 6].

«Нет средств для закупки фуража, и несчастные больничные коровы и лошади едва передвигают ноги, приходя в полную негодность, первые в качестве молочного скота, а вторые в качестве транспортных средств. Коровы постепенно идут на убой, что же касается лошадей, таковых сколько-нибудь сносных сейчас имеется две, что слишком мало для обслуживания нужд больницы. Сбруя рваная, едва держащаяся» [1. Л. 112]. 21 ноября одна из двух лошадей, принадлежащих больнице, пала от истощения. Возникла опасность остаться совсем без транспортных средств [1. Л. 149]. Медико-санитарный отдел просил городское самоуправление «выдать ордер на право реквизиции двух лошадей у наследников Пастуховых для нужд городской больницы» [1. Л. 156]. После очередного ожидания, в декабре, больница получает разрешение купить лошадь у частных лиц [1. Л. 171]. Лошади и коровы, принадлежащие больнице, оставались, тем не менее, совершенно голодными и без запасов корма на зиму.

В сообщении в Наркомздрав февраля 1919 года сообщается о том, что «в распоряжении Скорой помощи имеется одна слабосильная лошадь без достаточного фуража», причем «на одних и тех же розвальнях перевозятся всякие больные, как заразные, так и незаразные» [2. Л. 4]. Кроме того, лошадь настолько изголодалась, что вскоре «вследствие истощения не в состоянии была работать» [1. Л. 12]. Однако говорится и о двух автомобилях, находившихся в распоряжении Скорой помощи. Казалось бы, чего же еще можно было желать? Но из центра прислали 50 пудов газа, который был непригоден в качестве горючего для автомобилей. Таким образом, в феврале – марте 1919 г. Скорая помощь отказывала больным в перевозке [1. Л. 12].

Местонахождение больницы, ее удаленность от центра (в начале XX в. Романовская застава была весьма отдалена от центра), обуславливали ряд проблем личного характера.

Некоторые врачи жили в закотормосльном районе города, дорога до места работы, таким образом, была весьма долгой. «Позднее возвращение при зимней темноте через пустынное поле представляет, особенно для женщин, значительное неудобство, пользоваться же трамваем недоступно по дороговизне» [1. Л. 34]. В ноябре 1918 г. трамвайную ветку планировалось провести до больницы [1. Л. 52]. Несмотря на чудовищную занятость врачей, их направляли на занятия. Врачи просили «в интересах дела и большей продуктивности работы разрешить проводить занятия не с 10 до 4, а с 9 до 3 часов» [1. Л. 34]. Наименее обеспеченным медицинским сотрудникам выдавали одежду (небольшой фонд, составленный из личных вещей умерших и пожертвованной). Например, сторожам выдавали полушубки на зиму.

Осенью 1918 г. действовал приказ продовольственного отдела: продукты могли отпускаться больным только по продовольственным карточкам [1. Л. 67]. Подобное правило было совершенно неадекватно для больницы, так как больные порой поступали без документов, часто в тяжелом или бессознательном состоянии, иногда из отдаленных уездов; иных привозили в больницу прямо с поезда или находили на улицах. Это осложняло вопрос с продовольствием. Врачи заявляли, что они не в состоянии «выполнять приказ полностью» [1. Л. 138] и просили аннулировать постановление об обязательном предоставлении книжек [1. Л. 176]. И вновь власти отказались изменить правила для удобства больницы. Постановление было подтверждено. Больница должна была действовать согласно приказу, так как хлеб был «строго рассчитан по числу лиц». Очевидно, неким выступлением против неприемлемых правил можно считать громкий случай, когда врачи отказались без продовольственных карточек принять в больницу двух мальчиков из приюта им. Августа Бабея.

Перед заведующим хозяйством ежедневно вставал вопрос, откуда взять денег на покупку хлеба и других пищевых продуктов. При больнице был так называемый общий стол, который ни для больных, ни для медицинских сотрудников нельзя было считать удовлетворительным. «Общий стол, отпускаемый как больным, так и служащим, крайне недостаточен, безвкусен, груб, малопитателен, и если такой стол вызывает естественный ропот среди здоровых служащих, то в отношении больных он

является нередко даже вредным и недопустимым. Говорить о какой-либо врачебной диете для больных совершенно не приходится, так как изо всех продуктов, требуемых подобной диетой, в распоряжении врачей находится одно молоко, но, к несчастью, и его количество, по неизвестным больнице причинам, сокращено и вместо 5 ведер в день больница получает 2–3 ведра. Хлеб нередко доставляется полусырой, совершенно негодный для слабых желудков» [1. Л. 113]. На некоторое время удалось договориться с частным хозяйством Малковых, которое поставляло больнице 5 ведер молока ежедневно [1. Л. 159].

Летом – осенью 1918 г. остро встал вопрос о продовольственном снабжении больных и о питании обслуживающего персонала и врачей. Из уездных больниц крестьяне торопились поскорее выйти, не долечившись, так как там их кормили крайне скудно. В городе наблюдалась обратная закономерность: дома было еще более голодно, поэтому многие больные старались остаться при больнице как можно дольше [1. Л. 3].

Где же доставали продовольствие? В августе выдавали в основном лишь крупы, иногда служащие выменивали их на муку, а затем пекли хлеб, который раздавали больным. Фабричные больницы существовали старыми запасами, получая кое-что от фабричных комитетов. Продовольствия не могло хватить надолго. «Так, например, Локаловская больница две недели назад имела продовольствия всего на месяц; Норской фабричной больнице было обещано всего чуть не один фунт на месяц на койку, а запасов почти нет». Приемный покой при Оловянишниковском заводе существовал за счет того, что не помещал больных в стационар. Городская больница тоже постоянно жаловалась на недостаток продуктов, а больные – на скудость продовольствия. Продукты покупались в лавках или на улице, у частных лиц [1. Л. 3 об].

Заработная плата младших служащих в середине 1918 г. составляла 285 рублей в месяц, за продовольствие вычиталось 130 рублей. Из продовольствия им отпускалось по 1 фунту (0,45 кг) солонины; 0,75 фунта капусты; 0,25 фунта чая. При исчислении продуктов предусматривалось три типа порций: общая, слабая, добавочная. Врачи неоднократно обращались к властям с просьбой усилить питание служащих, перевести их в первую категорию по продо-

вольствию, как в Москве, так как они «постоянно подвергаются опасности заразы», работая в инфекционном отделении. Заведующий больницы отмечал, что «перед 1-м и 15-м числом каждого месяца регулярно заготавливаются трогательные, душу раздирающие прошения, с которыми представители отдела отправляются отбивать пороги различных учреждений» [2. Л. 8].

«Хлеб, капуста и картофель – вот единственная пища, как для больных, так и для здоровых, количество же имеющихся – круп саговой и манной – допускает их расход только в исключительных случаях». После того, как осенью 1918 г. забили трех больничных коров, некоторое время при больнице было мясо. К ноябрю 1918 г. в больнице уже остро ощущалась нехватка картофеля, который составлял главный пищевой продукт. «Если не будут приняты меры к отпуску значительных средств на немедленное приобретение запасов картофеля, то больнице грозит положительный голод, при котором самое существование ее является бесцельным» [1. Л. 19].

В условиях эпидемии, когда были необходимы меры дезинфекции, важнейшее значение имел вопрос о бане, с помощью которой можно было уничтожить паразитов и разносчиков заразы. Но именно бани (как и прачечной) при Городской Советской больнице не было. Была только ванная комната, которая давала весьма сомнительный эффект [1. Л. 1 об].

Советская больница испытывала чудовищные проблемы с водой: на верхние этажи воду приходилось носить вручную, так как водопроводные трубы засорились. Кроме того, при больнице не было ни прачечной, ни цейхаузов «для полощений белья и одежды умерших», хотя необходимость в этом была острейшая. Заведующий хозяйственной частью постоянно напоминал о необходимости как можно скорее отремонтировать дезинфекционную камеру в Губернской больнице, однако решение этого вопроса постоянно откладывалось из-за нехватки средств [1. Л. 20]. Временно пользовались дезинфекционной камерой и баней губернской тюрьмы [1. Л. 27]. Дезинфекцию белья, необходимую в условиях распространения остро заразных заболеваний, негде было провести. Дезинфекционная камера при Губернской больнице не работала: «Ни одной функционирующей дезинфекционной камеры в распоряжении мед.-сан. отдела г. Ярославля

нет. Одна камера (беженская) сторела, камера советской лечебницы все еще не исправлена удовлетворительным образом, камера бывшей губернской тюрьмы вследствие замерзания водопроводных труб не работает в связи с прекращением отопления главного здания» [3. Л. 3]. Только зимой 1919 г. заведующий отделом поехал в Москву и лично привез новую камеру «Гелиос», договорился о перевозе другой, пароформалиновой камеры для дезинфекции. Прачечная при Губернской тюрьме, куда отвозили белье, не справлялась с объемами работы. «Задержка в исполнении работы бывает целыми месяцами, что ставит больницу в крайне тяжелое положение, совершенно лишая ее возможности своевременной смены белья у больных, сверх того, стирка производится очень небрежно и белье возвращается непростиранное, не много чище отправленного в стирку», – жаловались врачи [1. Л. 87].

При больнице не было собственной аптеки – все медикаменты поступали из частных аптек. Из-за нехватки средств аптеки постепенно отказывались отпускать лекарства или предоставляли лишь некоторую часть необходимых медикаментов [1. Л. 112 об].

Небольшое жалование служащим выплачивали с огромной задержкой. «Вряд ли существует другое Советское учреждение, где жалование уплачивалось бы так неаккуратно», – отмечали врачи. Несмотря на это обстоятельство и на то, что служащие часто пополняли больничный стол из личных средств, люди продолжали работать. Были, правда, и те, со стороны которых это вызывало «справедливый ропот» [1. Л. 113].

Заведующий больницей отмечал также, что возникла острая необходимость пополнения персонала. Сделать это было очень трудно не только из-за повторной мобилизации, но и оттого, что «медицинские работники всеми способами старались устроиться на службу в других ведомствах, более обеспеченных продовольствием: военное, водное и железнодорожного транспорта, пленбеж и др.» [3. Л. 3].

Врачи и служащие больницы находились непрерывно под страхом заражения. В августе им угрожала холера, затем «испанка» и другие заразные заболевания. Медицинские работники просили о переводе в первую категорию по продовольствию [1. Л. 114].

В силу указанных причин медицинские сотрудники были очень подвержены заболева-

ниям. Во многих городах смертность врачей и обслуживающего персонала была чрезвычайно высокой, в Московской губернии, например, только смертность от тифа достигала 12 % [2. Л. 3]. «Город Ярославль, – говорится в докладе о санитарном состоянии губернии осенью 1919 г., – сверх всякой меры переполнен заразно больными красноармейцами; медицинский и обслуживающий персонал болеет и гибнет от эпидемии несравненно больше, чем в прошлом году. Заболеваемость свыше 50 % и необычно высокая смертность. Первые две недели декабря сего года [1919 г. – Н. М.] в одном Ярославле от сыпного тифа умерло 4 врача. Заболеваемость обслуживающего персонала доходит до 80 %» [2. Л. 10].

В 1919 году ситуация с финансированием больницы не изменилась. Заведующий санитарно-эпидемическим отделом Е.И. Лифшиц писал: «Все приходные суммы медико-санитарного отдела состоят исключительно из случайных поступлений, главным образом в виде позаимствований, и без остатка поглощаются текущим жалованием» [2. Л. 7]. За отделом накопился огромный долг, который к концу 1919 г. составлял около 1 млн рублей. Осенью 1919 г. в докладе, отправленном медицинскими сотрудниками больницы в медико-санитарный отдел, говорилось о том, что ин-

фекционное отделение, как и вся больница, «приходит в крайний упадок и лишается возможности всякого целесообразного ведения дела вследствие как общей недостаточности ассигнуемых на нужды больницы средств, так и необычайной задержки даже и отпускаемых сумм» [1. Л. 113].

Как отмечал Г. И. Лифшиц, «каждые полмесяца приходится опасаться, что отдел не достанет денег даже для выплаты жалования и персонал разбежится от голода. О каких-нибудь санитарно-технических улучшениях, пополнении инвентаря, расширении существующих учреждений и т. п. в подобной обстановке длительного финансового кризиса думать совершенно невозможно» [3. Л. 8]. Однако, обратившись к итогам работы ярославских врачей во второй половине 1918–1919 гг., можно увидеть следующее: эпидемия холеры была вовремя взята под контроль, ассенизационная проблема решена поздней осенью 1918 г. и эпидемии весной 1919 г. не возникло, а заразные заболевания, вспыхивавшие в различных районах Ярославля, были быстро остановлены. На наш взгляд, это является доказательством того, что, несмотря на тяжелейшие условия труда, ярославские врачи мужественно выполнили свой долг.

Библиографический список

1. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 22.
2. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 31.
3. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 32.

Г. В. Мурзо

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ПИСЬМА К. Ф. НЕКРАСОВА К С. Л. ЩЕРБА

Письма к С. Л. Щерба, положенные в основу статьи, позволяют воссоздать хронику жизни К. Ф. Некрасова. Предметом исследовательского внимания является личность пишущего, воспринимаемая в контексте времени и сквозь призму общения с женой.

Ключевые слова: 1914 год, «Лавка древностей» и журнал «София», поездки по родной земле и путешествие на Восток и Запад, начало войны и конец «Софии», газета «Голос» и книгоиздательство.

G. V. Murzo

BETWEEN PEACE AND WAR: K. F. NEKRASOV'S LETTERS TO S. L. SHCHERBA

S. L. Shcherba's letters, which this article is based on, help to reconstruct K. F. Nekrasov's life chronicle. The subject of investigation is the writer's personality which is perceived in the context of time and in the light of communication with his wife.

Key words: the year of 1914, Antiquity Shop, the magazine "Sophia", trips around one's native land and traveling to the East and West, the beginning of war and the end of "Sophia", the newspaper "The Golos", the book-publishing.